

Норвежская сказка " Глупые мужья и вздорные жены "

Жили в одном селе две вздорные соседки. Стоило им только увидеть друг друга, как между ними начинался спор. А где спор — там и ссора, а ссору — это каждый знает — легче начать, чем кончить.

И чем больше они ссорились, тем злее становились. До того дошло, что не успеет одна рта открыть, как другая уже готова вцепиться ей в волосы.

Наконец и спорить им стало не о чём.

Тогда добрались они до своих мужей. А мужья у них были как раз им под пару — хоть верейки из них вей. Вот они и заспорили, чей муж глупее.

Одна говорит:

— Мой!

Другая говорит:

— Нет, мой!

Одна кричит:

— Да у моего ума не больше, чем у тролля!

А другая в ответ:

— А у моего — ума ещё меньше, чем у тролля!

Одна хвастает:

— Да моему скажи, что кувшин — это топор, он и поверит.

А другая не сдаётся:

— Это что! — говорит.— Моему прикажи иголкой с ниткой землю пахать — он и пойдёт.

И ни та этой, ни эта той не уступает ни полслова.

Тогда одна из них и говорит:

— Давай испытаем, кто из нас ловчее обманет мужа, тогда и видно будет, кто из них глупее.

На том и порешили. Пошептались о чём-то и разошлись по домам.

Вот вернулся муж одной хозяйки из лесу, а она и говорит:

— Что это с тобой, мужёнок? На тебе лица нет! Заболел, видно?

— Ещё что выдумала — заболел! Здоровёхонек!

— Нет, уж от меня ничего не скроешь! Сразу видно, что тебя лихорадка бьёт. Иди ложись скорее!

— Да чего мне лежать! Ты бы мне ужин подала...

— Какой там ужин! Сам на ногах едва держишься. Вот-вот упадёшь. Неровён час — и конец придет.

И так она над ним причитала, так хлопотала, что ему и вправду стало не по себе: то в жар бросит, то в холод. А жена на него всё наседает и наседает. Наконец уложила она его, велела руки на груди скрестить, глаза закрыть, бегаёт взад-вперёд и приговаривает:

— Ах ты, беда какая! Помирает мой мужик! Как есть помирает! Вот уж и помер. Совсем помер. И не шевелится.

Слушает её муж и диву даётся. Как же он помер, коли всё слышит? И рукой-ногой шевелит потихоньку. А уж есть охота — ну прямо до смерти! Так бы и съел всё, что в кладовке спрятано. Только об этом и думать нечего. Раз жена сказала, что помер,— значит, помер.

Тем временем другая хозяйка вот что затеяла. Как только увидела она из окошка, что муж идёт домой, села она посреди горницы и давай руками перед собой махать, будто чесальным гребнем шерсть чешет.

— Что это ты, жена, придумала? — говорит муж.— Прясть на прялке без колеса — одна только забава, а уж чесать шерсть без шерсти — просто бабья глупость.

— А что же я чешу, по-твоему? — говорит жена.

— А ничего, кроме языка,— говорит муж.

— Вот сразу и видно, что сам ты глуп,— говорит жена.— Глаза-то у тебя есть? Посмотри-ка, ведь шерсть у меня какая тонкая! Нигде такой не найти. И цены ей нет. Всякий, кто понимает, такую шерсть с руками бы у меня вырвал. А я её для тебя припасла.

Тут пододвинула она прялку и завертела колесо.

Прялка жужжит, а хозяйка в воздухе руками перебирает, словно и вправду прядёт шерсть.

— С ума ты спятила,— говорит муж.— Ну что впустую колесо крутишь?

— Как это впустую? Погляди, какая нитка идёт — что паутина. А уж крепкая — не разорвать. Недаром говорится: где тонко, там не рвётся.

Кончила она прясть, стала ткать. Руками в воздухе покрутила и сняла с ткацкого станка ткань, которой не было. Растянула её на столе и взялась за ножницы. Кроит, режет, шьёт, ножницы щёлкают, а игла так и мелькает.

— Ну,— говорит наконец,— вот тебе новая пара.— И руки наверх вскинула, будто вешает одежду на стену.

Муж только плечами пожимает, а спорить больше не спорит. Может, и верно глаза у него плохо видят?..

На другой день поутру разбудила жена мужа и говорит:

— Сосед-то наш, Нордигорен, помер. Надевай новое платье, идём, сейчас хоронить будут.

И протягивает руки, точно подаёт ему новую одежду.

— А где одежда-то? — спрашивает муж.

— А глаза твои где? Надевай живо. Что мне с тобой, как с малым ребенком, возиться?

Стал муж одеваться, руки-ноги поднимает, опускает, а жена вокруг него ходит и приговаривает:

— Ну и ладно сшито!

Так и вышел на улицу. Самому-то стыдно на люди показаться, а услышит, как жена свою работу нахваливает, и храбрее шагает.

Вот и дом Нордигорена. А в доме полно народа.

Ну, когда увидели его те, кто пришёл отдать последний долг покойному, печаль их об умершем не стала больше. Одни в кулак фыркают, другие громко хохочут.

А покойник слышит, что все кругом смеются, и не утерпел: чуть-чуть открыл глаза щёлочкой. Да как расхохочется во весь голос, даже гроб под ним запрыгал.

— Вот это здорово!— говорит.— Ула Серигорен с горя, что я помер, одеться позабыл!..

Народ кругом так и ахнул: покойник заговорил! Попятились все из избы — от греха подальше,— а Ула Серигорен спрашивает приятеля:

— Это что ж такое? Кто же тебя заживо в гроб уложил?

— А кто тебя без одежды из дому отпустил?

— Да с моей женой разве поспоришь? — говорит один.— Она не то что живому — мёртвому голову заморочит.

— А мою разве переговоришь,— вздохнул другой.— Как заладит своё, так забудешь, на каком ты свете живёшь.

Потолковали они, потолковали и придумали, как им проучить своих жён. И это было самое умное, что они сделали за всю свою жизнь.

А если вы хотите знать, что же они придумали, спросите об этом у берёзового веника.